

Ремизов Алексей

Зайчик Иваныч

Алексей Михайлович Ремизов

Зайчик Иваныч

Жил человек, и у того человека было три дочери, - как одна, красавицы и шустрые, не знали они над собою страха.

Старшую звали Дарьей, среднюю Агафьей, а меньшую Марьей.

Изба их стояла у леса. А лес был такой громадный, такой частый, - ни пройти, ни проехать.

Без умолку день-деньской шумел лес, а придёт ночь, загорятся звёзды, и в звёздах, как царь, гудит лес грозно, волнуется.

Много страхов водилось в лесу, а сестрам любо: забегут куда аукают, передразнивают птичек, и в дом не загонишь до поздней ночи.

Такие весёлые, такие проворные, такие бесстрашные - Дарья, Агафья и Марья.

Как-то старшая Дарья мела избу, свалился с полки клубок, покатился клубок по полу, да и за дверь. Схватилась Дарья, взялась клубок догонять. А клубок катится, закатился в лес, пошёл по кочкам скакать, по хворосту, привёл в самую чащу и стал у берлоги.

А из берлоги Медведь тут как тут.

Как увидел Медведь Дарью, зубы оскалил, высунул красный язык, вытянул лапы с когтями и говорит:

- Хочешь моей женой быть, а не то я тебя съем.

Согласилась Дарья. Осталась у Медведя.

Вот живёт она себе, поживает, ходит с Медведем по лесу, показывает ей Медведь разные диковины.

У Медведя терем. В терему три клетки [*]. -----[*] Клеть - кладовая. -----

Раскрыл Медведь первую клеть, а в ней серебро рекой льётся. Раскрыл Медведь вторую клеть, а в ней живая вода ключом бьёт.

Говорит Медведь Дарье:

- Третью клеть я не покажу тебе, и ходить в неё я не велю, а не то я тебя съем.

Целый день нет Медведя, уйдёт куда на добычу, а Дарью одну оставит.

Ходит Дарья у запретной клетки, заглянуть смерть хочется.

А сторожил клеть Зайчик Иваныч.

Пробовала Дарья с Зайчиком Иванычем заговаривать, да отмалчивался бесхвостый, - хвостик Зайцу Медведь для приметы отъел, - отмалчивался Зайчик, поводил малиновым усом, уплетал малину.

И не раз вгорячах пхала Дарья Зайчика по чём ни попало, таскала за серебряные заячьи ушки. А отляжет сердце, примется целовать Зайца, а то и в пляс пустится. Зайчику - потеха, мяучит. И сам когда-то горазд был, да лапки уходились - не выходит.

Раз Зайчик Иваныч и прикурни на солнышке, заметила Дарья да в клеть. Отворила Дарья дверцу и чуть не убилась - в глазах помутнело: в огромной клетке кипело настоящее золото. И захотелось Дарье потрогать золото, сунула она палец, и стал палец золотым.

Пришёл Медведь, принёс малины. Сели за стол. Пьют чай.

Медведь говорит Дарье:

- Что это, Дарья, у тебя палец-то золотой?

- Да так себе, - отвечает Дарья, - золотой сделался.

Тут Медведь из-за стола встал и съел Дарью, а косточки в угол бросил.

* * *

Тосковали сестры. Рыскали по лесу, по-птичьи кликали, звали сестрицу. Хоть бы голос подала, - не слышит.

И год прошёл, и другой прошёл. Ни духу, ни слуху.

Как-то середняя Агафья подметала избу, сронила клубок. Покатился клубок. Пошла за клубком Агафья. Шла-шла и забралась в самую гущу. Остановился клубок. Глядь - Медведь.

Стал на дыбы Медведь, щёлкнул зубами и говорит Агафье:

- Хочешь моей женой быть, а не то я тебя съем.

Агафья и так и сяк, да ничего не поделаешь, осталась жить у Медведя.

Водил её Медведь по лесу, деревья выворачивал, мёдом пичкал и всякие медвежьи шутки выкидывал.

У Медведя терем. В терему три клетки.

Растворил Медведь клетки. Глазела Агафья на серебро и живую воду.

- А третью клетку я не отворю тебе, - говорит Медведь, - и ходить в неё не велю, а не то я тебя съем.

Загрустила Агафья, ума не приложит, как бы так клетку посмотреть, чтобы Медведь не узнал. А тут этот Зайчик трётся, глаз не сводит. Подходила Агафья к Зайчику Иванычу, щекотала ему малиновый ус, а Зайчик и в ус не дует: мяучит себе по-заячиному, ни слова путного.

Выбежал однажды Зайчик Иваныч на закат полюбоваться, а Агафья стук в клетку. Взглянула - остолбенела да в столбняке-то и ткни палец в золото, и стал палец золотым.

Охала и ахала Агафья: как быть, увидит медведь - съест живьём. Побежала к Зайчику. Сидел Зайчик Иваныч, напевал себе под нос, штаны чинил. Выхватила Агафья у Зайчика заплатку, перевязала себе золотой палец.

Вот пришёл Медведь, приволок лесных лакомств полон короб. Сели за стол.

- Что это у тебя, Агафья, с пальцем? - спрашивает Медведь.

- Ничего, - говорит Агафья, - набредила, вот и обвязала тряпочкой.

- Давай вылечу.

Поднялся Медведь, развязал тряпочку. А под тряпкою золотой палец.

И съел Медведь Агафью, а косточки в угол бросил.

* * *

Убивалась Марья.

- Сестры, сестрицы мои родимые! - куковала Марья по-кукушечьи.

Только лес шумит, царь-лес.

Так год прошёл и другой прошёл. Нет сестёр.

Как-то подметала Марья пол, скатился клубок и в лес. Шла Марья за клубком, шла, как Сестры, вплоть до самой берлоги.

Выскочил из берлоги Медведь, зарычал, оцетинился. Говорит Медведь Марье:

- Хочешь моей женой быть, а не то я тебя съем.

Не сразу далась Марья, заупрямилась. Диву дался Медведь и полюбил её пуще всех сестёр.

Ходит косматый по лесу, собирает цветы, венки плетёт. А выйдет с Марьей гулять, про всякую травку ей рассказывает, всякие берложные хитрости кажет. А то ляжет на спину, перекатывается, песни медвежьи поёт. Зайчику в знак своего удовольствия мордочку мёдом вымазал.

У Медведя терем. В терему три клетки.

Всё показал Марье Медведь - и серебро и живую воду, а в третью клетку не повёл.

- И ходить в эту клетку я тебе не велю, а не то я тебя съем.

- Съем! Съел один такой! - фыркнула Марья, а сама думает, как бы этак Медведя провести?

А Зайчик Иваныч ей глазом мигает. Зайчик Иваныч в Марье души не чаял.

Бывало, уйдёт Медведь, а Марья к Зайчику:

- Зайчик, Заинька, научи меня, серенький, как мне быть, погибли сестры, погибну и я: заест меня Медведь.

А Зайчик Иваныч подопрётся лапкою, лопочет что-то по-своему.

Так и проводили дни - сядут где на крылечке и сидят рядом, горе горюют.

Раз Зайчик Иваныч лучину щипал: самовар пить собирались.

Известно, примется Зайчик что-нибудь делать, так уж на целый год наделает, такая повадка у Зайчика.

Зайчик весь двор лучинкой закидал.

Марья пособляла Зайчику. И такая тоска на неё нашла, свету она невзвидела, пошла бродить по терему. Постояла, поплакала над костями сестёр да с отчаяния туркнулась в запретную клеть. И ослепило её золото, закружило голову. Да не сплеховала Марья: опустила лучинку в золото. А лучинка, как жар, горит.

- Сестры, сестрицы мои, мои родимые! - всплакнула Марья.

Запрятала Марья золотую лучинку в красный сафьяновый башмачок, отдала башмачок Зайчику. Пошёл Зайчик в погреб за молоком да дорогой и сунул башмачок в свою старую норку.

Пришёл медведь. Сели брагу пить, всё честь честью по-хорошему. И пошла жизнь по-прежнему.

* * *

Пораскидывал умом Зайчик Иваныч, горе горя с Марьей на крылечке.

Раз и говорит Зайчик:

- Не умею я по-человечьему сказывать, а то бы сказал.

Тем разговор и кончился.

Бродит Марья по терему, плачет над костями сестёр, заглядывает то в одну, то в другую клеть.

И пришло ей на ум счастье попробовать. Набрала она полон рот живой воды, вспрыснула сестрины кости. И встала перед ней Агафья жива-живёхонька.

Что делать, куда деваться? Марья к Зайчику, так и так, говорит.

- Хорошо, - говорит Зайчик, - сию минуту.

Взял Зайчик Агафью за руку да в дупло и запрятал, а сам ей принёс туда груш да яблоков и всякого печенья. И дело с концом.

Пришёл Медведь. Стал к Марье ластиться. А Марья и говорит:

- Рычун, мой рычун, сделай ты мне, что я тебя попрошу.

- А ты наперёд скажи, что тебе сделать, а то ты, может, третью клеть посмотреть хочешь, так я тебя съем.

- Батя мой завтра именинник, хочу пирогов ему испечь, а ты снесёшь.

- Это можно, пеки.

Обрадовалась Марья да опрометью на кухню ставить тесто. Поставила она тесто и, когда всё было готово, принялась пироги печь. Испекла пироги, взяла мешок, посадила в мешок Агафью, покрыла Агафью пирогами.

Говорит Агафье:

- Сядет Медведь посидеть, станет мешок развязывать, а ты и скажи: "Не садись, муженёк, на пенёк, всё вижу, всё слышу".

Чуть только солнышко взошло, взвалил Медведь мешок на плечи, да и в путь-дорогу.

Полднем вздумалось Медведю поотдохнуть маленько, свалил он мешок наземь, стал развязывать.

- Не садись, муженёк, на пенёк, всё вижу, всё слышу! - как закричит из мешка Агафья.

Вскочил Медведь, повёл ухом.

"Ишь, - подумал, - и голос же у моей Марьи, всё видит, и сесть тебе не полагается!.."

И пустился Медведь дальше. А как добежал до избы, шваркнул мешок у калитки да во все лопатки домой обратно.

Долго ли, коротко ли, ни много ни мало, а год, другой прошёл.

Вспрыснула Марья сестрины кости. И встала пред ней Дарья жива-живёхонька. Опять Марья к Зайчику. Запер Зайчик Дарью в чулан.

А вечером Марья говорит Медведю:

- Мамушка моя именинница, испеку я ей пирогов в день ангела, снеси ты их, косолапушка.

А сама Дарье шепнула:

- Как рассядется Медведь, ты ему крикни: "Не садись, муженёк, на пенёк, всё вижу, всё слышу".

Всё так и случилось. Сел было Медведь посидеть, стал мешок развязывать, а как услышал голос, оторопел да скорее в путь. А как добежал до калитки, брякнул мешок и опять домой восвояси.

* * *

- Зайчик, Заинька, научи меня, серенький, что мне делать, не могу больше у Медведя жить, хочу к сестрам!

А Зайчик Иваныч и рад бы что посоветовать Марье, да сказать-то ничего Зайчик не может. А уж так привязался, так привязался он к Марье, на шаг от себя не отпустит. Прямо влип.

Что наработал за долгую зиму, всё Зайчик отдал Марье, какие бисерные кошельки понанизал, всё отдал Марье. Летось к Медвежьему дяде за тридевять земель скакал, выпросил у старого хрустальную тувельку да жемчугов горстку, всё Марье отдал.

Когда с весной зачирикали птицы и полезли из почек листочки, чтобы на свет посмотреть, сказала Зайчику Марья:

- Ну, Зайчик Иваныч, придумала! Уйду я от Медведя.

Зайчик насупился.

А Медведь вечером спрашивает Марью:

- Что ты, красавушка, что ты такая весёлая?

- А как мне весёлой не быть, батю с мамушкой во сне видела. Испеку я им пирогов, отправлю завтра гостинцу. Ещё дрыхнуть ты будешь, я затворюсь в терему, подымусь на вышку, буду следить за тобой, а как тронешься в путь, буду песни петь. Слышишь, ты не зови меня, я одна

останусь, буду следить за тобой, буду песни петь.

Послушал Медведь, лег спать спозаранку. А Марья испекла пирогов, позвала Зайчика, сказала Зайчику:

- Прощай, Зайчик Иваныч, прощай, миленький!

Насупился Зайчик, не пускает Марью, уцепился лапками за передник, на глазах слезы.

И вдвоём коротали они последнюю ночь. Рассказывал Марье Зайчик свою заячью жизнь, как была когда-то у Зайчика норка и как Медведь его выгнал из родимой норки и пришиб Зайчиху, и как пришибленная помирала покойница Зайчиха Ивановна.

И плакал Зайчик Иваныч, и о каких-то лисятах поминал сквозь слезы... Он ли их съел, они ли детей его слопали, понять мудрено было.

На рассвете юркнула Марья в мешок, обложилась в мешке пирогами. Отнёс Зайчик Иваныч мешок к берлоге, запер терем, а сам сел на крылечке караул держать.

И когда Медведь с своей ношей скрылся из глаз, запрятался Зайчик в свою старую норку, вынул из кованого ларчика красный сафьяновый башмачок, поставил к себе на столик и залился горькими слезами:

- Сестры, сестрицы мои родимые! На кого вы меня покинули одного среди леса в разорённой норке? Зачем вы оставили меня доживать мои последние заячьи дни одиноко среди леса в разорённой норке? Был я вам другом верным, помогал и охранял вас - и все ушли, забыли меня. Сестры, сестрицы мои родимые!

А Медведь шёл, шёл, задумал присесть, развязал мешок.

- Не садись, муженёк, на пенёк, всё вижу, всё слышу! - закричала из-под пирогов Марья.

- Слышу, слышу! - рявкнул Медведь и во всю прыть дальше помчался.

А как добежал до калитки, шлёпнул мешок и одним духом обратно к своей берлоге.

* * *

То-то радость была.

Снова вместе все трое, три сестры, три красавицы - Дарья, Агафья и Марья.

Пошли расспросы да рассказы.

До полночи сестры глаз не сомкнули.

А в полночь весь в звёздах, как царь, загудел лес грозный, заволновался. И поднялась в лесу небывалая буря. Трещала изба, ветром срывало ставни, дубасило в крышу, а вековые деревья, как былинку, пригибало к земле, выворачивало с корнем столетние дубы, бросало зелёных великанов к небу, за звёзды.

Это - Медведь, Медведь крушил и ломал свою пустую берлогу, сворачивал брёвна, разбрасывал в щепки высокий покинутый терем.

А чуть только свет задымился на небе, Медведь издох от тоски.